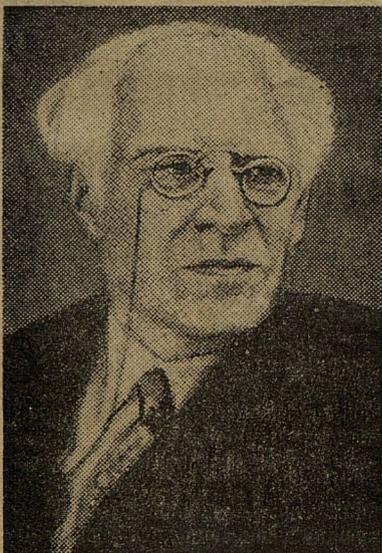

ЧУВСТВО ВРЕМЕНИ

К столетию со дня рождения
К. С. Станиславского

Станиславский К.

Живет на земле беспокойное племя одержимых. Это те, кто превыше всего любит свое дело, свою мечту, свою идею. Их можно встретить среди людей любой профессии, любой области науки и искусства. Они первыми прокладывают дороги в неизведанное, делают великие открытия. Это беспокойное племя дало человечеству Циолковского и Эйнштейна, Бетховена и Прокофьева, Седова и Амундсена. К одержимым принадлежит и великий реформатор сцены Константин Сергеевич Станиславский.

Он не мыслил своей жизни вне театра и без театра. Станиславский был великодушным актером, замечательным режиссером, умным педагогом и, наконец, мыслителем. Все эти качества позволили ему на рубеже XIX и XX веков стать во главе нового театра, призванного чутко прислушиваться к поступи времени, отражать наиболее значительные события и явления современности. Учение Станиславского об актерском искусстве, «его система» стали не только руководством к действию советских актеров, но и завоевали горячее признание и поклонение у театральной общественности всего мира.

Еще до организации Художественного театра в творческом списке Станиславского такие роли, как Дон-Жуан, Скупой рыцарь, Фердинанд, Звездичев, Уриэль Акоста. Этот талантливый актер мог украсить в те годы любую труппу. Но Станиславский мог в полную силу работать, творить, мыслить только в принципиально новом театре, каким стал Художественный театр.

Сложным, полным сомнений, творческих поражений и трудных побед был путь Станиславского к созданию нового театра. Он пережил процесс, типичный для передовой интеллигенции тех лет. Воспитание настоящего человека, принципиального художника шло порой мучительно. Станиславский

прошел через победы и поражения, которые не были отмечены яркими театральными афишами, вокруг которых не разгорались горячие споры. Шаг за шагом овладевал он своим талантом, преодолевал в себе апатичность и обывательщину.

Константин Сергеевич понимал, что театр должен стать трибуной времени, глашатаем передовых идей. На этих же эстетических и политических позициях в те годы находился В. И. Немирович-Данченко — преуспевающий драматург, известный театральный деятель. «Мечтая о театре на новых началах, ища для создания его подходящих людей, мы уже давно искали друг друга», — писал впоследствии К. С. Станиславский.

Не было в стране театра более требовательного к репертуару, чем Художественный. За несколько месяцев до его открытия Немирович-Данченко пишет: «По самому своему существу театр должен служить запросам современного зрителя...»

Встреча с драматургией Чехова обогатила и во многом углубила творчество К. С. Станиславского — артиста, режиссера, реформатора сцены. «Чайка», «Дядя Ваня», «Вишневый сад» требовали от режиссера и актеров новых приемов сценического искусства, тонкого психологизма, большой правды жизни, естественности и простоты поведения на сцене. Для того чтобы донести глубину и сложность чеховской драматургии, за кажущимся внешним бездействием показать внутреннюю действенность мысли, нужны были актеры интеллигентные, тонкие, свободные от рутинности и штампов. И Константин Сергеевич с энтузиазмом взялся за главное дело всей своей жизни — воспитание актера-гражданина, истинного художника сцены, для которого нет высшей миссии, чем служение народу.

Борьба за искусство жизненной правды, за искусство, близкое и понятное народу, — это творческое и жизненное кредо, принятое создателями нового театра, не теряет своего значения и в наши дни. У Станиславского и Немировича-Данченко и некоторым современным художникам полезно поучиться непримиримой ненависти к безыдейному, формалистическому искусству, к малейшим проявлениям в театре рутинности, фальши, обывательской пошлости, к подмене творчества ремеслом.

Признавая за театром право и обязанность прямого участия в духовном воспитании народа, Станиславский искал драматургов среди современных революционных писателей. В годы нарастания революционного подъема в Художественный театр пришел Алексей Максимович Горький. С увлечением взялся театральный

коллектив за работу над пьесой «На дне». Успех спектакля превзошел всякие ожидания.

Но все же до конца понять и принять творческий метод Горького Художественный театр в ту пору еще не мог. Вначале «художественники» принимали в творчестве Горького только его негативную сторону — обличение мещанства, пошлости, несостоятельности старой жизни. Они еще не видели в творчестве писателя его молодого несокрушимого революционного оптимизма, его веры в человека. Радостным исключением было, пожалуй, лишь исполнение К. С. Станиславским роли Сатина в спектакле «На дне». Монологи этого героя превратились, по выражению Горького, в «сгустки мысли, чувства, крови и горьких, жгучих слез мира сего». Неподдельным вдохновением звучали со сцены слова Сатина о величии человека, об уважении к человеческому достоинству.

Путь постижения горьковской драматургии неразрывно связан с утверждением на сцене Художественного театра стиля социалистического реализма. Станиславский снова обращается к пьесам Горького уже тогда, когда за его плечами стоит плодотворный опыт работы над советскими спектаклями «Бронепоезд 14—69», «Страх», «Квадратура круга». С позиций высокой партийности подходит весь коллектив театра во главе со Станиславским и Немировичем-Данченко к работе над пьесой Горького «Егор Булычев и другие», которая на долгие годы вошла в репертуар МХАТа как одна из наиболее epochальных постановок.

Содружество с великими писателями — Чеховым и Горьким помогло театру «открыть» и молодую советскую драматургию. «Поймите, — говорил Станиславский молодым режиссерам в первые годы Советской власти, — что в театре нет и не может быть горячего отображения современности, если с вами не будет работать, дружить ваш ровесник по литературе». Именно Станиславский привел на сцену Художественного театра молодых в те годы писателей Всеволода Иванова, Леонида Леонова, Валентина Катаева, Александра Афиногенова. Под его непосредственным руководством родилась новая реалистическая советская драматургия. Константин Сергеевич нашел ключ к этим очень разным писателям, сумел открыть в их творчестве идеи, мысли, настроения, созвучные времени, и принести их на сцену советского театра.

Станиславский чутко относился к новаторским поискам молодежи. Всегда интересовался новыми театральными студиями, которые рождались в послереволюционные годы, оказывал им творческую помощь. Так, он восторжен-

но принял спектакль «Принцесса Турандот», блистательно поставленный Евгением Вахтанговым.

Но вместе с тем он никогда не прощал бесплодных формальных выкрутасов, бездумного оригинальничания, низвержения традиций реалистического искусства. «Формалисты утверждают, что театр по своей природе — условное искусство, и поэтому лучше эту условность обнажить до предела, и в обнажении театральных приемов они видят свою «революционную» миссию... Сорвать занавес и показать зрителю, что задняя стена сцены сложена из тех же кирпичей, что и любой дом, — простите, не вижу в этом никакой «революционной» мысли!»

Только искусство высокой жизненной правды, пронизанное передовыми идеями времени, Станиславский считал достойным нашей действительности. Знамя этого искусства он держал высоко. Служению ему отдал все силы души, ум, талант.

М. КВАСНЕЦКАЯ.